

торых рассказывается о деятельности химика-органика, много занимавшегося вопросами стереохимии, П. И. Петренко-Критченко. Здесь, впрочем, в одном пункте напрашивается возражение: когда речь идет о полемике Петренко-Критченко с другими химиками, бросается в глаза, что он всегда оказывается прав, что выглядит не очень убедительно, тем более что позиция его оппонентов в достаточной степени не раскрываются. Так, на с. 63 можно прочитать: «П. И. Петренко-Критченко выступал с критикой концепций немецких химиков Крафта и Бишофа... Петренко-Критченко считал неверными представления об абсолютно свободном вращении вокруг С—С-связей в том смысле, что следствием этого принципа является отсутствие преимущественной

формы молекулы». Но именно такой точки зрения придерживался и Бишоф, кстати сказать, профессор Политехнического института в Риге (Быков Г. В. История стереохимии органических соединений. М.: Наука, 1966, с. 134 и сл.).

То, что многие историки химии допускают в своих работах методические погрешности, объясняется тем, что у нас нет (как нет, впрочем, и за рубежом) соответствующего руководства по методике историко-научных работ. Однако, даже не делая скидок на это обстоятельство, надо признать, что наши украинские коллеги создали полезный и ценный труд по истории химии.

Г. В. Быков

МАТЕРИАЛИЗМ ПРОТИВ ФИДЕИЗМА

«Материализм против фидеизма» — тема эта в нашей литературе не новая, достаточно широко и обстоятельно освещенная, и тем не менее она всегда актуальна. Последнее объясняется прежде всего своеобразным, даже, можно сказать, парадоксальным фактом, а именно тем, что в современном мире, в условиях стремительного социального и научно-технического прогресса, возрастания роли техники и научного знания, в условиях активного, мощного наступления науки и передового диалектико-материалистического мировоззрения на религию — в этих условиях борьба между ними не затихает, не ослабляется, а, напротив, еще более обостряется. На это обращает внимание в предисловии к книге акад. П. Н. Федосеев: «...утверждение принципов диалектического материализма, научного мировоззрения происходит сегодня в условиях все более обостряющейся идеологической борьбы на мировой арене» (с. 8). Анализ этого феномена — характернейшей и типичнейшей черты идейной жизни современного общества в последние десятилетия — составляет главное содержание рецензируемой книги¹. Не менее важное в книге М. П. Гапочки в идеологическом и методологическом плане — это то, что в ней обстоятельно раскрыто непреходящее значение для нашего времени ленинской критики фидеизма, особенно тех его работ, в которых проанализированы основные принципы научного материалистического мировоззрения и показана их практическая действенность в борьбе против идеалистической философии и религии.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют те части книги, где дается па-

нора современной конфронтации науки и религии, где характеризуются природа современного фидеизма и «научообразные» формы современной теологии. В своей борьбе против научного мировоззрения современные апологеты религии давн уже отказались от традиционной политики силового давления, жесткого категорического неприятия и осуждения фактов науки, противоречащих истинам откровения. Сейчас на их вооружении доктрина, допускающая и разрешающая использование науки для ...защиты религии. Наиболее дальновидные теологи под давлением новых научных открытий идут на значительные уступки, признают необходимость определенной ревизии теологических идей, пересмотра и модернизации всего арсенала традиционных религиозных основоположений. Однако, как показано в книге, призывы теологов ассимилировать науку, включить ее в теологическую апологетику нацелены в конечном итоге на то, чтобы подчинить современное научное знание религии, ограничить сферу воздействия науки, доказать тем самым ее несuverенность и зависимость от религии. Ратуя за контакты с наукой современные теологи искаженно истолковывают ее открытия, находят в ней «новые аргументы» для доказательства величия творца и слабости человека, ничтожности его усилий познать мир, овладеть его тайнами. Автор разоблачает мнимую новизну этой концепции, приводит интересные факты из истории науки, свидетельствующие о несостоятельности всей этой линии «теологического авангардизма». Особенно интересны и поучительны в этом плане процитированные автором слова выдающегося советского физика С. И. Вавилова о том, что вокруг науки и около научных открытий всегда «пытаются развиваться, и даже с большим напором, разные философские идеалисти-

¹ Гапочка М. П. Материализм против фидеизма. Ленинские принципы критики фидеизма и современность. М., Политиздат, 1980.

ческие формы», что «аргументы в пользу идеалистических или религиозных выводов черпаются непосредственно из результатов новой физики» (с. 110).

Одним из средств борьбы с наукой в багаже современного фидензма служит положение о том, будто научное познание ограничивается ролью наблюдателя, фиксатора событий, фактов. Идеализм и религия отказывают науке в праве на постижение сущности реальных вещей и явлений. Науке приписывается только технический, операциональный характер. Опровергая домыслы современных фиденстов, пытающихся дискредитировать познавательные возможности науки, М. П. Гапочка не ограничивается выявлением теоретического значения марксистской критики фидензма, он распространяет эту критику на сферу социальных проблем, выявляет реакционную социальную роль фидензма, разоблачает попытки буржуазных идеологов использовать идеализм и религию с целью отвлечения сознания широких масс от задач революционного преобразования современного общества.

Еще одна примечательная черта современной религиозной апологетики — это стремление теологов в максимальной степени использовать в своих целях противоречия и слабости мировоззренческих позиций выдающихся ученых, по-своему внимательное и бережное отношение к религиозным убеждениям отдельных естествоиспытателей. Пусть эти убеждения еретичны, несовместимы с религиозной ортодоксией — все это для современных адептов религии не имеет решающего значения; важен прежде всего сам факт религиозности ученого, который выдается теологом «за „свидетельство“ неоспоримости религиозного чувства, того, что наука якобы сама рождает религиозность ученого, является одним из путей познания бога» (с. 123).

Нередко теологи ссылаются на «религиозность» А. Эйнштейна, видят в нем ученого, будто бы сыгравшего важную роль в осуществлении симбиоза науки и религии, якобы открывшего путь к признанию относительности всего существующего и к доказательству абсолютности бога. Однако, как показывает автор, определенная двойственность в мировоззренческой позиции выдающегося физика не заслоняет того факта, что для Эйнштейна религиозная терминология была лишь внешним привеском, что его понимание религии было весьма далеко от теологического, что главенствующую роль в его мировоззрении, так же как и многих выдающихся ученых XX века, занимал естествонаучный материализм.

Рассматривая актуальные философские проблемы борьбы научного и религиозного мировоззрения, автор напоминает известные слова Энгельса о том, что с Коперника «начинает свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии», что выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней (см. К. Маркс и Ф. Энгельс.

Соч., т. 20, стр. 347). В книге обстоятельно прослеживается основное магистральное направление этого процесса, раскрывается неодолимость научного прогресса, неизбежность победы науки над фидензмом. Вместе с тем, и это хорошо показано в рецензируемой монографии, современная картина освобождения науки от религии будет неполной и односторонней, если не видеть и другой, противоположной тенденции. Как верно подчеркивает М. П. Гапочка, религия переживает глубокий кризис, но она не капитулировала окончательно, и выяснение ее «претензий» к науке затягивается дальше, до нашего времени.

Апологеты религии отстаивают ныне своеобразную концепцию двойственной истины. По мнению Е. Фера, например, современная картина мира состоит из четырех сфер: макро-, мезо-, микрокосмоса и трансцендентного мира. Истины естествознания правомочны только для первых трех сфер, в последней сфере компетентны лишь философия и теология (см. с. 109). А вот признание с другой стороны — слова специалиста в области ракетной техники Д. Коула: «Религия будет воздействовать на новые открытия, относящиеся к жизни в Космосе, на поведение и взаимодействие людей, вышедших в Космос. Это новое изменение религии принесет обоюдную пользу и ученому, и теологу...» (с. 111). Особенно поучителен в этом плане феномен известного ученого, одного из наиболее крупных нейрофизиологов современности Джона Экклза, яркого противника материализма, активного защитника фидензма, пытающегося совместить идеи современной нейрофизиологии с идеализмом и религиозными представлениями. Факты эти противоречивы, они свидетельствуют о сложном характере противоборства науки и религии, с ре противоборства науки подрывает фундамент, что натиск науки подрывает фундамент религиозного мировоззрения, что религия уступает свои позиции. Но — на этом ставит акцент М. П. Гапочка — отсюда вовсе не следует, что религия утратила свой социальный потенциал, свою интегративную мировоззренческую функцию; отступая, она занимает новые рубежи, возводит новые укрепления и создает новые препятствия на пути научного познания.

Этот гибкий подход к оценке роли религии в современных условиях дает верную теоретическую и практическую ориентацию, мобилизует защитников научного материалистического мировоззрения на активную наступательную борьбу против новейших форм идеализма и фидензма.

Завершая рецензию и оценивая монографию М. П. Гапочки в целом, отметим, что она привлекает внимание новизной и четкостью использованного материала, постановкой авторской позиции, постановкой новых вопросов. Это — серьезное исследование актуальных проблем идеологической борьбы, научного и социального прогресса.

Д. И. Греков